

SELFIE ERGO SUM

АНДРЕЙ БЕЛИКАНОВ

АНДРЕЙ БЕЛИКАНОВ.
Независимый исследователь, автор
курса по философии искусства.
E-mail: red@velikanov.ru.

Ключевые слова: селфи, фотография, живопись, автопортрет, семиотика визуального, всеобщее благоволение.

В статье рассмотрен феномен селфи сквозь призму классического искусства и некоторых философских концепций. Особое внимание уделено изображению как знаковой системе, а также сходству и отличию селфи от классического автопортрета.

Иллюстративным материалом для статьи послужили некоторые события в жизни таких художников, как Йозеф Бойс, Энди Уорхол, Ипполит Байар, Леонардо да Винчи, Казимир Малевич, Марсель Дюшан, Сальвадор Дали, а также идеи Рене Декарта и Иммануила Канта. Автор приходит к выводу, что селфи характеризует современное состояние культуры.

SELFIE ERGO SUM

ANDREY VELIKANOV. Independent researcher, author of a course on Philosophy of Art.
E-mail: red@velikanov.ru.

Keywords: selfie, photography, fine art, self portrait, visual semiotics, universal satisfaction (Allgemeines Wohlfallen).

The article considers the phenomenon of the *selfie* through the lens of classic art and some philosophical ideas. It focuses particularly on the image as a sign system and also on the similarity and difference between a selfie and a classical self-portrait. Some certain events in the lives of such artists as Joseph Beuys, Andy Warhol, Hippolyte Bayard, Leonardo da Vinci, Kazimir Malevich, Marcel Duchamp, Salvador Dali, and also Rene Descartes and Immanuel Kant served as the illustrative material for the article. The author claims that *selfie* characterizes the contemporary condition of culture.

#алфавит_визуального

МОЖНО ЛИ считать классический автопортрет в живописи и фотографии предшественником селфи? Автопортрет — это, как правило, долгий и глубокий самоанализ, тогда как селфи требует лишь нескольких коротких манипуляций с гаджетом, цель которых — навязчивая репрезентация собственного тела как доказательство соответствия существующим канонам или образец для новых подражаний. Однако отвергнуть селфи как недостойное внимания явление будет ошибкой.

Есть два похожих и в то же время разных высказывания художников-антагонистов.

Каждый человек — художник.

Йозеф Бойс

В будущем каждый сможет стать всемирно известным на 15 минут.

Энди Уорхол

Бойс декларирует свободу реализации творческого потенциала каждого, Уорхол всего лишь сулит нам шанс на мгновение оказаться в центре всеобщего внимания. Когда Уорхола спросили, действительно ли он верит в 15 минут славы для каждого, он ответил, что шутил, но теперь убежден, что это будут не 15 минут, но *каждые* 15 минут. И ведь именно с такой регулярностью некоторые выкладывают свои фото в *Instagram*.

Скорость — одна из главных характеристик селфи. Если бы его создание было длительным технологическим процессом, вряд ли оно снискало бы такую популярность. Первым селфи можно при-

знать автопортрет Ипполита Байара — изобретателя фотографии, уступившего пальму первенства Луи Дагеру, несмотря на то что созданная Байаром технология получения единственного позитива на бумаге была проще и отчасти предвосхитила принцип работы камеры *Polaroid*. Удрученный, он делает автопортрет в образе утопленника. Получение первых фотографий требовало длительной экспозиции, поэтому Байар долго сидит перед объективом, изображая несчастную жертву. Сегодня этот жест породил бы моду: «Ты еще не сделал селфи в виде утопленника?» Байар снабжает фотографию подписью:

Мертвое тело, которое вы видите на обороте, принадлежит г. Байару, изобретателю метода, чудесные результаты которого вы только что видели или сейчас увидите. Насколько мне известно, этот

искусный и неутомимый исследователь посвятил усовершенствованию своего изобретения почти три года.

Академия, король и все те, кто видел его рисунки, которые он сам находил несовершенными, восхищались ими, как восхищались сейчас вы. Это прославило его, но не принесло ему ни гроша. Правительство, щедро наградившее г. Дагера, заявило, что не может ничем помочь г. Байару, и несчастный утопился. О, непостоянство человеческой природы! Художники, ученые, газеты так долго уделяли ему внимание, а сегодня, когда он уже несколько дней выставлен в морге, никто его еще не узнал и им не поинтересовался. Господа и дамы, перейдем к другим темам, дабы не пострадало ваше обоняние, ибо голова и руки этого господина, как вы можете заметить, начинают разлагаться¹.

Классические картины имеют названия, лишённые той смысловой нагрузки, какой наполнено само изображение. Названия дают сами художники, либо их присваивают позднее без участия авторов. Селфи не может обойтись без текста — не объясняющего, но задающего возможную интерпретацию. Эту роль играют хэштэги как маркеры соответствия существующему тренду — «да, я знаю, что сейчас модно фотографироваться в виде утопленника» (вар.: с таким выражением лица, в ванной, за едой). Хэштэгов бывает много, целый набор, который в отсутствие пробелов начинает напоминать иероглифическое письмо, как раз и возникшее на переходе от изображения к букве. Хэштэги задают восприятие фото. Могло ли что-то подобное быть в классической живописи? Да, в отдельные периоды в искусстве существовала общепринятая символика — например, почти обязательное присутствие череп в барочном натюрморте как напоминание о суетности жизни, *temento mori, vanitas vanitatum*. К той же символике *vanitas* апеллирует знаменитый поляроидный автопортрет Уорхола с черепом на голове.

Однако живопись не навязывает интерпретаций, хотя презумпция существования однозначной авторской трактовки по-прежнему популярна. Этот взгляд не лишен оснований, ведь даже Казимир Малевич пытался создать универсальный набор супрематических фигур, значение которых не зависело бы от контекста прочтения. Но изображение — это не письменность, у него нет и не может быть алфавита и синтаксиса, не оставляющих простора для толкования. И даже если художник вложил в картину пре-

1. Цит. по: «Утопленник» Ипполита Байара // Новая история фотографии / Под ред. М. Фризо. СПб.: Machina, 2008. С. 30.

дельно конкретный смысл, у зрителя всегда остается возможность интерпретировать ее посредством других метафор — гораздо свободнее, чем это позволяет письмо. Селфи с последовательностью хэштэгов, иногда более важных, чем само изображение, раскладывает образ на смысловые компоненты. Хэштэг — не название работы, а принцип соответствия заданной теме. Это ярлык в его изначальном смысле — как ярлык на княжение от власти, превосходящей мою собственную. Я делаю так, потому что так делают все, а кто не делает — тот не в теме, его вообще нет, по крайней мере в актуальном для меня символическом поле. Так образ становится образцом, — либо повторяя заданную тему, либо служа отправной точкой для нового тренда.

#эхо_нарцисса

Несчастливая нимфа Эхо так и не добилась любви Нарцисса, хотя сделала почти невозможное. Ей было позволено говорить о любви только окончаниями фраз своего возлюбленного. В конце концов от нее остался лишь голос, а объект ее страсти обратился в цветок. Сегодняшнее Эхо добилось большего, став Всемирной паутиной. Современный Нарцисс смотрит на свое отражение, но он заморожен не собственной уникальностью, а тем, как другие оценят его соответствие хэштэгу, вновь и вновь повторяемому Эхо. Порицать за это кого-либо бессмысленно — фотографирующие себя безразличны к чужому осуждению. Некогда миф о Нарциссе был порожден архаичным страхом перед отражением, то есть копией субъекта. Увидеть себя можно было лишь на водной поверхности. Потом был страх перед зеркалом, фотоизображением. Сейчас его источником стал интернет, который зафиксировывает пользовательскую индивидуальность и одновременно способен отобразить ее.

#тело_соединяется_с_душой

Самое простое объяснение повальному увлечению фотографированием самих себя с помощью карманного гаджета и публикацией полученных снимков — банальное стремление предьявить себе и другим факт своего несомненного существования. Катастрофа, авария, крушение — автор селфи тут как тут, всунул голо-

ву в кадр и нажал на кнопку. Присутствуя при событии, о котором знают все, он знакомит мир с собственной персоной. Желательно при этом выглядеть приветливым и сделать особое выражение лица — «уточку» (*duckface*), вытянув губы вперед как для поцелуя. Сегодня это сродни рефлексу, особенно среди девушек, с самого детства присутствующих в социальных сетях. Впрочем, в событии нет нужды, если есть потребность утвердиться в собственном присутствии, — картезианское *ergo sum* превращается в #этожмы. Делаю утиное лицо, следовательно, существую.

Почти 400 лет назад Рене Декарт взял глаз быка и соскоблил с его задней стенки непрозрачный слой, а потом укрепил его в отверстии, прорезанном в оконном ставне. На полупрозрачной склере глаза философу открылся вид, наблюдавшийся из окна. Из этого опыта Декарт сделал множество выводов: как устроено зрение, где находится душа и как эта душа соединяется с телом. Часть тела, в которой душа непосредственно осуществляет свои функции, — ни в коем случае не сердце и не весь мозг, а лишь его доля, расположенная глубже всех. Это маленькая железа, находящаяся в центре мозга. Какой конкретно орган имел в виду Декарт, в принципе, неважно, так как благодаря ему в науке укрепилось мнение, что в некоей малой части головного мозга находится его сущность. Отсюда родилась идея, что душу можно извлечь из тела физически. Так, профессор Преображенский пересаживает гипофиз Клима Чугункина собаке и превращает Шарика в человека. Важный аспект идеи Декарта — представление о невидимой душе и мыслях, которые в отдельных своих проявлениях становятся доступны стороннему наблюдателю. Таковы страсти — переживания души настолько сильные, что отражаются на лице. Нашему восприятию доступны шесть первичных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость, печаль.

Итак, в центре головы каждого из нас находится маленькая железа имени Шарикова, которая помогает нам испытывать разнообразнейшие чувства. Но не слишком ли их много? Можно бы и поубавить. Гаджет с кнопкой в руках каждого из нас есть наша новая душа (или ее универсальный заменитель), соединенная с нами движением электронов и духов, и единственная страсть, которая передается нашему лицу, — это *duckface*. Привел в действие кнопку — губы вытянулись сами собой. Кстати, само понятие рефлекса появилось в науке благодаря спорным и ненаучным взглядам Декарта о нервной деятельности.

Как *duckface* попал в гаджет, неизвестно. Можно предположить, что айфоны и другие машины умнее нас и способны к самообучению. Если миллионы и миллионы гаджетов сфотографировали «уточку», будет странно, если следующие снимки запечатлеют плотно сжатые губы. Фотография, сделанная другим, всегда результат каких-то взаимоотношений. Поэтому просят симитировать улыбку словом *che-e-ese!* «Уточка» же представляет собой одновременно символ шизофренического аутоэкзгибиционизма и аутовуайеризма — я показываю сам себя и сам за собой подглядываю. Селфи — не мода, а соединение с образцом. Каждые 15 минут каждое тело соединяется с великой душой. Эта душа — одна на всех, но она тоже меняется каждые 15 минут.

#l.h.o.o.q.

Есть гипотеза, что «Мона Лиза» — это автопортрет Леонардо. Он писал эту работу на заказ, но не закончил, увез во Францию и так и не смог с ней расстаться. Самая известная на свете картина обросла множеством легенд, одна из которых гласит, что автор вложил в свое произведение душу, поэтому оно так популярно и любимо. Но всемирная любовь к «Джоконде» может быть истолкована иначе. После французской революции и национализации собственности королевской фамилии, в коллекции которой находилась «Мона Лиза», картина попала в Лувр, где висела далеко не так торжественно, как сегодня, а в довольно плотной развеске с другими произведениями. «Мона Лиза» тогда была всего лишь одной из работ Леонардо и ничем не выделялась из общего ряда. В 1911 году «Джоконда» была похищена работником Лувра итальянцем Винченцо Перуджиа. Только через два года она нашлась, причем благодаря самому похитителю. Перуджиа считал, что шедевр должен храниться там, где был создан, и пытался продать полотно руководству флорентийской галереи Уфици. Однако при попытке продажи его арестовали, а картину конфисковали. Перед возвращением «Моны Лизы» обратно во Францию итальянские власти устроили месячную выставку портрета во Флоренции. За эти два года и возник тот истерический интерес к «Джоконде», который не прекращается и по сей день. Не было ни одной газеты, которая не написала бы про эту детективно-художественную историю. В Лувре, самом большом оффлайн-блоге, ей отведен отдельный зал, где

она торжественно представлена на суд зрителей под пуленепробиваемым стеклом.

Так, благодаря криминальной истории «Мона Лиза» стала символом классического искусства. Многие модернистские художники считали своим долгом низвергнуть этот символ, утверждая новое искусство. Казимир Малевич в 1914 году пишет картину «Частичное затмение», на которой видна перечеркнутая реплика картины Леонардо. Он был первым, кто критически отнесся к «жирной мадонне», но не первым, кто сделал селфи из классического символа. В 1917 году Марсель Дюшан создает знаменитый коллаж, на котором изображена Мона Лиза с бородкой и усиками. Эту работу можно считать селфи Дюшана, ведь через некоторое время появляется фото Ман Рэя с Дюшаном в женском образе Розы Селяви. *L.H.O.O.Q.* — так назывался коллаж Дюшана. Эта аббревиатура, произнесенная по-французски, звучит совсем непочтительно к символу классического искусства. Сегодня это превратилось бы в хэштэг: #унеегорачаязадница. Усы Моны Лизы не могли остаться незамеченными Сальвадором Дали, поэтому его «Автопортрет в образе Моны Лизы» 1954 года украшен эффектными усиками и выпученными глазами. Опыт великих показывает, насколько более творчески к своему любимому делу могли бы подойти авторы селфи — с несравнимо более разнообразным инструментарием и цитатным слоем. Алфавит визуального все еще нуждается в совершенствовании.

#всеобщее_благоволение

Но, наверное, самое точное высказывание о селфи сделал Иммануил Кант. Можно лишь пожалеть, что в его время не было айфона. Кант был педантом с выверенным до секунд распорядком жизни. Соседи сверяли по его действиям часы. Вышел на прогулку, вернулся с прогулки — все с точностью до мгновений. Делать это с помощью айфона было бы гораздо проще, чем с помощью карманных механических часов. Можно было бы также фотографировать себя в одни и те же моменты жизни. Мы бы сейчас с удовольствием рассматривали коллекцию селфи Канта, возвращающегося с прогулки.

Кант ответил на вопрос о том, почему всем нравятся селфи. Рассуждая о прекрасном, он сказал, что прекрасное субъективно,

и эстетическое суждение невозможно подкрепить доказательствами, однако высказывается оно так, как если бы выражаемая в нем оценка имела необходимое и общее для всех значение. И если человек, выносящий суждение вкуса, получает подтверждение от других, у него создается впечатление, что это логическое действие, посредством которого он (и другие) познают предмет.

Допустим, я захочу проверить, прекрасен ли я или, по Канту, возвышен (пусть в наши дни это слово имеет совсем другие коннотации, чем во времена Канта). Согласно немецкому философу, у субъекта нет логической возможности доказать, что он прекрасен/возвышен. Но он может высказаться о себе настолько определенно и недвусмысленно, что все без исключения подтвердят, что не допускали и мысли, будто говорящий может быть безобразен или примитивен. В XVIII веке эта теория и соответствующая ей практика были разнесены во времени и пространстве. Провести эксперименты и собрать подробную статистику по той категории, которую Кант назвал всеобщим благоволением (*Allgemeines Wohlgefallen*), было невозможно. Сегодня селфи — идеальный способ представить самого себя на суд всеобщего благорасположения, а статистика одобрения быстро набирается с помощью универсального овеществления кантианской идеи — лайка. Количество набранных лайков служит мерилем того, насколько я прекрасен и возвышен, каким бы я ни был на самом деле. Правда, Кант с подозрением отнесся бы к суждению в предзаданной форме, то есть к хэштэгу. В «Критике способности суждения» он говорит:

Если судить об объектах только по понятиям, всякое представление о красоте исчезает. Следовательно, не может быть и правила, на основании которого можно было бы заставить каждого признавать что-либо прекрасным².

Но Кант рассуждал о некоей эфемерной свободной красоте в природе, а мы люди конкретные и точно знаем, за что ставить лайки друг другу.

Каждый может претендовать на 15 минут всеобщего благоволения. Да, лайки поставили всего двадцать–тридцать человек, и будет иллюзией полагать, что мое селфи видит весь мир, но иллюзией полной. Наш мир окончательно перестает быть

2. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. С. 83.

миром иерархии, когда внимание к себе привлекают лишь несколько важных медиаперсон. Нет больше важного или второстепенного — мир ризоматичен. Все селфи равны друг другу и приняты с равным основанием в великий общий эйдос самолюбования.

REFERENCES

- Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniia* [Die Kritik der Urteilskraft], Moscow, Iskusstvo, 1994.
- “Utoplennik” Ippolita Baiara [H. Bayard. Autoportrait en noyé]. *Novaia istoriia fotografii* [A New History of Photography] (ed. M. Frizot), Saint Petersburg, Machina, 2008.